

Наталья ГОРЯЧЕВА

ОТ ВДОХНОВЕНИЯ К ОТКРОВЕНИЮ

Кажется, что музыка говорит на языке, не требующем перевода. Но музыка – это, прежде всего, искусство интерпретации. Как не существует двух оркестров, двух виртуозов, исполняющих одно и то же произведение одинаково, так не бывает и двух одинаковых исполнений одним и тем же человеком. В этом, пожалуй, кроется самая главная загадка этого вида искусства, в котором проводником мыслей и чувств композитора становится музыкант. От его мастерства и прочтения зависит буквально всё. А теперь представьте на одной сцене сразу трех признанных мастеров инструментального и фортепианного искусства – скрипача и дирижера Марата Бисенгалиева, пианиста Алима Бейсембаева и виолончелиста, дирижера Эльдара Сапараева. Это кажется фантастикой, и всё же это случилось. 20 мая на сцене Казахского национального театра оперы и балета состоялся уникальный концерт «От Музы к Музыке: от вдохновения к откровению».

Собрать вместе именитых музыкантов с плотным гастрольным графиком в «Alem Trio» удалось нашему соотечественнику Берлину Иришеву, известному французскому меценату, продюсеру и импресарио, автору успешных проектов, таких, к примеру, как «Майра Керей и Opera de Paris», трио «The Vekova Sisters» (сестер Накипбековых). Он много лет посвятил продвижению и пропаганде казахстанского искусства за рубежом. Мне кажется, это настоящее служение, и хочется, чтобы подобных проектов было как можно больше.

За расписанием концертов Марата Бисенгалиева строго следят любители классической музыки и летят за ним в другие страны. Список его наград

и званий такой длинный, что вряд ли поместится на этой странице. Я часто избегаю подобных перечислений, боясь превратить живого человека в стену славы, завешенную медалями и грамотами. Марат Бисенгалиев в первую очередь человек, сделавший себя сам. Пойти учиться играть на скрипке – было его решением. Более того, его отговаривали от этой затеи и не хотели брать в знаменитую байсеитовскую школу – мол, мизинцы короткие, для скрипки не подходящие. Но Бисенгалиев не сдавался, нашел выход – стал использовать собственную аппликатуру, заменяя мизинец вторым, третьим, иногда даже первым пальцами. Его невероятная трудоспособность и любовь к музыке сделали свое дело. Сегодня Марат Бисенгалиев знаменит не только как скрипач, но и как дирижер, маэстро. Любопытно, что за славой он никогда не гнался, не напрашивался ни на пиары, ни на интервью. Он просто делал свое дело и доводил его до совершенства. В одной беседе Бисенгалиев как-то сказал: «Найти свое призвание очень трудно. Но, если нашел, занимайся им по-настоящему». Не берусь утверждать, что воспроизвела дословно, однако суть передала точно. Марат Бисенгалиев живет сразу на три страны: на юге Франции у него дом, в Казахстане – оркестр, а в Индии он открыл специализированную школу в городе Мумбай, наподобие нашей школы имени Куляш Байсеитовой, и создал первый профессиональный коллектив, который до сегодняшнего дня является единственным оркестром в этой стране.

Другой наш легендарный земляк – виолончелист и дирижер Эльдар Сапарав. Его часто называют «поэтом огромной страсти и индивидуальности». Со своим инструментом он побывал во многих странах мира, а однажды даже сыграл концерт на одном из островов архипелага Тристан-да-Кунья, жители которого услышали живую музыку впервые за всю историю. Сегодня Эльдар Сапарав живет в Германии, и при этом умудряется преподавать в Люблянской академии искусств (Словения), руководит собственным фондом поддержки молодых музыкантов, дает сольные концерты и дирижирует.

Третий участник концерта Алим Бейсембаев, несмотря на молодость, уже известен и любим. Победитель множества международных конкурсов, в том числе и самого престижного – в Лидсе, производит впечатление спокойного, мягкого человека. С другой стороны, невозможно избавиться от ощущения, что перед тобой английский аристократ. Не знаю, в чем тут дело. Возможно, жизнь в Британии наложила свой отпечаток. Сам он шутливо характеризует себя как «тональность ля-бемоль мажор в малой октаве» – довольно-таки теплое и в то же время глубокое звучание.

Встретились участники «Alem Trio» буквально перед концертом. Они все очень разные: у каждого своя школа, свой темперамент, своя манера, стиль. И, мне кажется, этот вечер стал не только откровением для публики, но и для самих музыкантов. Им, наверняка, было любопытно, как их мастерство, индивидуальности объединятся в нечто целое.

Путешествие из одной эпохи в другую, на мой взгляд, всегда предпочтительнее для слушателя. И программа была выстроена подобным образом: от классицизма, где композитор – верховный жрец искусства, который пишет для высшей знати, в современность, где художник – обычный парень, который не прочь посетить ночной клуб и поболтать с друзьями. Первенство в этом путешествии хронологически принадлежит, конечно же, Моцарту. С его Фортепианного трио № 8 и начался вечер. Моцарт был перфекционистом, мастером «золотой середины», сумевшим в коротких фразах рассказать буквально обо всём – добре и зле, торжестве и поражении, радости и грусти. Причем во всех его произведениях скрыта удивительная особен-

ность: когда слушаешь Моцарта, кажется – как легко написано, вроде можно повторить, даже спеть, но если вы спросите у музыканта, сколько труда было положено, чтобы передать эту так называемую легкость, то будете поражены. «Alem Trio» непринужденно продемонстрировали эту иллюзию, вряд ли у кого-то закралась мысль, насколько всё на самом деле непросто.

Вторым композитором стал Клод Дебюсси, а точнее, его трехчастная Соната для виолончели и фортепиано, L135. И публика была перенесена в прошлое столетие, во Францию. Признаюсь, я обожаю это время – время открытий. Формула Эйнштейна – «масса переходит в энергию» подтвердилась, когда рентгеновские лучи открыли существование атома, пространство стало делиться на «видимое» и «невидимое». Уже не нужно копировать реальность, ведь её можно просто фотографировать. Гораздо интереснее попробовать отобразить дух, энергию, то, чего не увидишь. Отсюда пошли и беспредметники, и абстракционисты. В XX столетии Франция стала настоящей Меккой для художников, музыкантов и поэтов. Ведь именно там импрессионисты первыми замахнулись на «святая святых» – рисунок, растворив предмет в световоздушной среде. За ними пошли кубисты, лепя форму геометрическими фигурами, потом сюрреалисты выдвинули на первый план сновидение, автоматическое письмо. Экспериментировали буквально все. И музыка не могла остаться в стороне.

Дебюсси – неподражаемый колорист. Критики сразу причислили его к импрессионистам, и в этом есть здоровое зерно. Вот только самому композитору ужасно не нравился термин, в переводе означающий «впечатление», и он отрицал какую-либо связь с этим направлением. «Я пытаюсь найти новые реальности, – говорил он, – а дураки называют это импрессионизмом». Пейзажи Клода Моне казались ему «слишком назойливыми» и «недостаточно таинственными». Гораздо больше Дебюсси прельщало творчество поэтов-символистов, посещавших знаменитые литературные «вторники» Стефана Малларме. Однако во многих его произведениях связь с импрессионизмом всё же неоспорима. Она слышна и в Сонате для виолончели, представленной на концерте. А еще в неё, словно острая приправа, добавлен испанский колорит и тревожная атмосфера предвоенного времени. Дивная смесь для воображения. Эту многомерность образов Эльдар Сапарав передал бесподобно. Любимая «жена-виолончель», «парижанка 1870 года рождения с терпким характером, но тонкой поэтичной душой» вела себя безупречно: пела и декламировала, вздыхала, порой подражала гитаре и арфе. Думаю, многие надолго запомнят это роскошное исполнение Дебюсси.

После сонаты мы услышали, наверное, лучшего пианиста современности. У Алима Бейсембаева фантастический звук. Он исполнял «Трансцендентный этюд» Ференца Листа фа-минор. «Трансцендентные этюды» не просто получили свое название – это этюды высшего исполнительского мастерства. И дело не только в техническом плане, но и в эмоциональном наполнении. Лист увлекался театром, литературой, философией, общался с Гюго, Дюма, Делакруа, Жорж Санд и многими другими романтиками – «властителями душ» того времени. Он дружил с Гектором Берлиозом и Никколо Паганини. Гениальный скрипач с его «дьявольской техникой» так запал в душу Листа, что он на некоторое время даже перестал выступать, отдав себя целиком одной цели – добиться совершенства в исполнении, не меньшего, чем у Паганини. И ему это удалось. А еще он превратил фортепиано в оркестр. Больше никто и никогда не выскажется о «бедном, нищенском звучании» этого инструмента.

Лист родился с даром потрясать публику. Когда он выходил на сцену, слушатели забывали обо всём. Примерно то же самое произошло и на концерте в Алматы. Только вместо Ференца Листа на сцене царствовал Алим Бейсембаев. Казалось, что инструмент подвластен не пианисту, а гениальному мастеру звуковых и технических стихий, художнику, использующему всю палитру звуков и глубокие тона. Этюд звучал невероятно многогранно. Жаль, что слова слишком скудны для передачи чувств и переживания.

Помимо «Трансцендентного этюда» Алим Бейсембаев исполнил и поэму Нагыма Мендыгалиева «Легенда о домбре». Мендыгалиев был первым профессиональным пианистом-казахом, композитором. Его концерты и множество миниатюр для фортепиано давно полюбили слушатели. А лучшим произведением, исполняемым не только в нашей стране, но и за рубежом, считается поэма «Легенда». Мендыгалиев сумел в фортепианной музыке передать основной прием игры на домбре. Любопытно, что на концерте «Алем Trio» присутствовала и Жания Аубакирова. Она не только мэтр, она – и первая исполнительница этой «Легенды».

Следующим в программе был Каприччио-вальс для скрипки и фортепиано Генрика Венявского. Вот где в полном блеске сверкал невероятно артистичный и харизматичный Марат Бисенгалиев. Произведения Венявского – это и накал страстей, и красота звука, и феерическая виртуозность. Композитор был лучшим скрипачом своего времени. О нем ходили легенды, говорили, будто свое «магическое искусство» он унаследовал от Паганини. Такое ощущение, что эта магия передалась и Марату Бисенгалиеву. У меня до сих пор ощущение присутствия на этом вечере, когда я пишу о знаменитом скрипаче.

Действо «От Музы к Музыке», словно закольцованное произведение, начавшись с трио, завершилось еще одним ансамблем – Трио Феликса Мендельсона № 1 ре-минор. В начале двадцатого века, пожалуй, никто не пользовался такой популярностью, как этот композитор. Практически на каждой афише того времени было его имя. Знаете, Мендельсон серьезно отличается от других романтиков. В нем нет надрыва, его музыка всегда гармонична по контрастам, а ранняя так вообще – узорчатая, легкая, совершенно фантастическая. Трио ре-минор знаменито своим лиризмом, с другой стороны, оно наполнено такой энергией, что его текстура перерастает в почти оркестровые пропорции. Для финала концерта, по-моему, это необычайно удачное решение. Публика долго не отпускала виртуозов со сцены. Надеюсь, мы еще не раз побываем на подобных вечерах, где живет настоящая вечная музыка!

